

думка, 2010 – 303 с.

10. Венгер О. Особливості становлення гендерної демократії в Україні / О. Венгер // Політичний менеджмент. – 2009. – № 3. – С. 145-152.
11. Коваль Л. Не лише берегиня / Л. Коваль // Урядовий кур'єр. – 2009. – 4 липня.
12. Роулз Дж. Політичний лібералізм / Дж. Ролз // Сучасна політична філософія: Антологія; [пер. з англ., упоряд. Я. Кіш]. – К.: Основи, 1998. – С. 192-238.
13. «Використання європейського досвіду для розв'язання міжконфесійних проблем в Україні» / Аналітична записка Національного інституту стратегічних досліджень при Президенті України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.niss.gov.ua/articles/529/>
14. «Белая книга» по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве» [Электронный ресурс]. – Режим доступу: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/Publication_WhitePaper_ID_en.asp

УДК 316.613.42

А. В. Яковенко - Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля

СМЫСЛЫ ЛЮБВИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ: ИДЕАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И РЕАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

В статье обосновывается сохранение высокой степени актуальности вопроса о смысле любви в современном глобализирующемся обществе. Заостряется внимание на необходимости четкой фиксации границ при исследовании проблем смысла любви (отношенческие, возрастные и историко-культурологические границы). Представлены основные характеристики несоответствия между идеальными принципами (основаниями) для реализации истинного смысла любви и доминантами реальных социальных условий. Подчеркивается необходимость более фокусированного внимания со стороны социологов к субъективным факторам, нивелирующим возможности обретения в любви значимого смысла.

Ключевые слова: любовь, смысл, социальные условия, человек, постиндустриальное общество.

СМИСЛИ ЛЮБОВІ У ГЛОБАЛІЗОВАНОМУ СУСПІЛЬСТВІ: ІДЕАЛЬНІ УСТАНОВКИ ТА РЕАЛЬНІ СОЦІАЛЬНІ УМОВИ

У статті обґрунтовується збереження високого ступеня актуальності питання про сенс любові у сучасному глобалізованому суспільстві. Загострюється увага на необхідності чіткої фіксації меж при дослідженні проблем сенсу любові (межі відносин, а також вікові та історико-культурологічні). Представлені основні характеристики невідповідності між ідеальними принципами (підставами) для реалізації істинного сенсу любові і домінантами реальних соціальних умов. Підкреслюється необхідність більшої сфокусованої уваги з боку соціологів до суб'єктивних факторів, що нівелюють можливості набуття у любові значущого сенсу.

Ключові слова: любов, сенс, соціальні умови, людина, постіндустриальне суспільство.

MEANINGS OF LOVE IN GLOBALIZING SOCIETY: IDEAL PRINCIPLES AND REAL SOCIAL CONDITIONS

The article explains the preservation of high relevance of the question of the meaning of love in the modern globalizing society. It highlights the need for accurate fixing of boundaries in the study of problems of meaning of love (the boundaries of relationship, age, historical and cultural boundaries). The author introduces main characteristics of discrepancies between ideal principles (bases) for the realization of true meaning of love and dominants of real social conditions. The article emphasizes the need for more focused

attention of sociologists to subjective factors, leveling the possibility of love to gain the meaningful sense.

Keywords: love, sense, social conditions, person, post-industrial society.

«Если... любовь – действительно единственный удовлетворительный и здоровый ответ на вопрос о смысле человеческого существования, тогда любое общество, которое в той или иной степени исключает развитие любви, должно в конце концов погибнуть, войдя в противоречие с основными человеческими потребностями»

Э. Фромм

Существуют в социологии (да и в целом в науке, искусстве, просто в обыденном жизненном пространстве) темы, которые в равной степени обеспечивают как интерес, так и неукоснительное обвинение автора, решившегося к ним прикоснуться, в банальности, тривиальности, избитости, заезженности и т. д. Одной из таких наиболее «притягательно-скеплично-воспринимаемых» проблем, безусловно, выступает «Любовь». Говоря же о словосочетании «Смысл любви», можно заведомо гарантировать двойную порцию критики. Ведь весь скепсис относительно изучения темы «Любви» в полной мере относится и к «Смыслу». И, тем не менее, чтобы отчетливо зафиксировать актуальность изысканий, обозначим свою позицию следующим образом. Во-первых, поиск ответов на вопросы о смысле любви не завершен, полемика более, чем активна, и даже нередко агрессивна с учетом ее крайних позиций: от – «никакого «смысла любви», «смысла в любви» и т. д. – нет и быть не может» и до – «только лишь в любви и заключается настоящий смысл». Во-вторых, общество, провозглашающее в качестве высшего принципа свободу личности, формирующее представление о миропорядке, обеспечивающем широкие условия для самореализации, сталкивается с ощущением фрустрации именно в двух главных устремлениях, олицетворяющих свободу выбора: и в «Любви», и в «Смыслах». Можно выразить актуальность проблемы в виде противоречия: потребность ощутить (распознать, понять, найти, осознать...) смысл и значимость Любви, как представляется, возрастает, а вот возможности сохраняют свою ограниченность. Впрочем, нет никаких явных предпосылок, что подобного рода противоречие будет хотя бы смягчено. Тем более, постоянно воспроизводится известный парадокс: те, кто задумывается о смысле любви, с трудом находят и первое, и второе (а тем более их органичное сочетание), с недоумением взирают на тех, кто, не утруждая себя подобного рода сложными мыслительными и деятельностными поисками, вполне обходятся (или умеют делать вид, что обходятся) и без смысла, и без любви.

Научные изыскания в данном направлении, по понятным причинам, весьма обширны. Другое дело, что профессиональные социологи стараются зачастую избегать излишнего углубления в подобного рода проблематику, считающуюся больше «философско-психологической», «культурологической», нежели чисто «социологической». Поскольку же я давно придерживаюсь «радикальной» платформы, согласно которой в обществе нет «несоциологических» тем, соответственно, и не стремлюсь к выделению какой-то особенной «социологической» компоненты в исследовании «смысла любви». И уж тем более не считаю правильным, когда понятия «Любовь» и «Смысл» сплошь и рядом встречаются в анкетах, но при этом «любовно-смысловые» вопросы остаются прерогативой собратьев по гуманитарному знанию. Что же касается значимых работ, непосредственно повлиявших на становление моего мировоззрения в данном ключе (думаю, такая позиция точнее, в сравнении с требованиями упоминать «свежие» публикации), то здесь все выглядит достаточно предсказуемо и неоригинально, в частности: В. Соловьев «Смысл любви», Э. Фромм «Искусство любить» (в некоторых переводах «Искусство любви»), В. Франкл «Человек в поисках смысла» (почему-то многочисленные обзоры данной книги обходят стороной глубокие размышления автора о силе любви и ее роли в смысловой инициации) [1-3]. Кроме того, важно отметить известную книгу А. Г. Маслоу «Мотивация и личность», в которой представлены оценки великого исследователя о роли и значении любви для развития здоровых самоактуализированных индивидов, а также его критика психологической (!) науки касательно отсутствия добротных разработок в этом направлении [4]. Приведем лишь одну цитату: «Удивительно, но проблема любви до сих пор почти не исследовалась экспериментальными методами. Особенно странным кажется мне молчание психологов, ибо кто, если не они, должны говорить о любви?» [4, с. 261]. И хотя с момента написания

данных строк ситуация и изменилась (в позитивную сторону), однако, не существенным образом. Что же касается «ритуальных» социологических книг, то, прежде всего, упомяну работу Э. Гидденса «Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах» [5]. И, наконец, следует признать: при изложении тех или иных аргументов по такой деликатной теме вряд ли удастся в значительной мере абстрагироваться от личного опыта, наблюдений и оценок.

Основное внимание в последующем изложении предлагаю сконцентрировать не на добротном перечислении подходов уважаемых авторов при характеристиках «смысла любви», не на выделении и анализе различного рода оттенков в их определениях и интерпретациях, а на оценке основных препятствий и сложностей, которые существенным образом нивелируют прекрасные принципы и основания для созидания осмысленных и содержательных любовных отношений. Именно рассмотрение данных проблемных аспектов (в силу их недостаточной выраженности у многих исследователей) и предлагаю считать главной целью статьи.

Прежде чем предпринимать попытки что-либо рассматривать касательно смысла(ов) любви, необходимо по возможности очертить границы данной необъятной темы. Причем границы весьма разноаспектные. Хотя нередко ученые предпочитают именно в «любовных вопросах» не ограничивать себя четкими рамками, что это не совсем корректно и оправдано применительно к столь обширному предмету исследования. Со своей стороны обозначу следующие «границы»:

– Границы отношений. Сразу оговариваю, что далее речь будет идти исключительно о любви между представителями противоположных полов. Отношения матери (отца) к ребенку (детям), отношения детей к своим родителям, любовь бабушек (дедушек) к внукам и наоборот (любовь внуков), однополые чувственные отношения, и уж тем более любовь к Богу, Природе, Мирозданию, Вселенной... не включены в последующее поле анализа;

– Возрастные границы. В качестве базисного основания берется период жизни, при котором у женщин и мужчин сохраняется половая функция;

– Историко-культурологические границы. Под данным весьма размытым словосочетанием подразумевается, что будут предприниматься попытки характеризовать сложности с реализацией смысла(ов) любви в «современный период». Таким образом, «исторические» рамки определяются максимум последним столетием. «Культурологические» границы подразумевают, что речь идет о любви (и ее возможных смыслах) в урбанизированных и секуляризованных обществах. Под эти параметры попадают, прежде всего, экономически развитые и преимущественно светские общественно-политические системы. Т. е. та часть глобализирующегося социума, где любовные отношения между мужчиной и женщиной в меньшей мере подвержены давлению религиозных постулатов и тесно связанной с ними аграрно-индустриальной культурой. Ведь очевидно, что невозможно даже в нынешних достаточно развитых технологически, информационно, коммуникативно и прочих условиях игнорировать наличие огромного культурно-демографического сегмента, в рамках которого интимная сфера достаточно жестко регламентирована, а вопросы о смысле любви, либо отчетливо не актуализируются, либо являются показателем праздности или вольнодумства.

Соответственно, далее речь идет о любви исключительно как особом отношении между женщиной и мужчиной в современных, светских, технологически передовых анклавах глобализирующегося общества с превалированием ценностей, характерных для формально демократических политических систем. Даже подобного рода ограничения оставляют обширное пространство для интеллектуального маневра и тем более критики. И все же это лучше, нежели исследовать любовь и ее смысл «вообще».

Концепт светской доктрины любви, который, безусловно, своими идейными (и идеальными) корнями уходит в целый ряд религиозных постулатов, весьма привлекателен. В предельно лапидарном виде в его основе лежат следующие принципы:

Любовь – это осознанный выбор двух социально ответственных личностей;

Любовь – это взаимоуважение и взаимное развитие женщины и мужчины;

Любовь – это основа гармоничной семьи. В атмосфере любви рождаются и воспитываются дети.

Как бы в современной западной культуре гипертрофированно не выпячивалась сексуальная составляющая любовных отношений, тем не менее, никто из ключевых представителей доминирующих сегодня в номинально демократических странах идеологических и политических лагерей не посягает, как представляется, на главенство вышеназванных постулатов. Мало того, именно по данному вопросу видна тождественность позиций известных оппонентов (например,

неоконсерваторов и коммунистов). Можно утверждать, что наряду (а, возможно, и помимо) культа «сексуального наслаждения» ранее и значительно фундаментальнее сформировался культ «идеальной любви». Мечты об открытых, свободных и одновременно сознательно выстроенных отношениях, уходящие за все мыслимые исторические горизонты, получили свою реальную масштабную подпитку именно в светских доктринах, рожденных капиталистической формой производства. Вместе с надеждой на справедливый политический, экономический и социальный порядок, стала культивироваться надежда на справедливый порядок межличностных отношений, где главная роль отводится именно Любви. Зарождение и распространение либерального мировоззрения в его многочисленных идейно-политических интерпретациях ознаменовало собой стремление к справедливому миропорядку без вмешательства высших сил. В единой увязке складывались и продолжают утверждаться представления о том, что «счастье достижимо в рамках земного пути», что «настоящую любовь стоит искать и можно найти», что «жизнь необходимо и реально прожить достойно, ощутив все прелести, включая высшую Любовь». Превратившись в своеобразные универсальные принципы, данные сентенции были растиражированы и утверждены в нашем сознании, стали потребностями. Точнее говоря, базовая потребность в Любви (по А. Г. Маслоу «потребность в любви, привязанности, принадлежности» [4, с. 86]) вдруг (наконец) получила возможность быть широко «прорекламированной» хотя бы на идейно-абстрактном уровне, легитимизирована светской формой религии (наукой) и подкреплена всеми видами искусства. Кстати говоря, тот же А. Маслоу замечает: «у нас очень мало научных данных об этой потребности, хотя именно она выступает в качестве центральной темы романов, автобиографических очерков, поэзии, драматургии, а также новейшей социологической литературы» [4, с. 87].

Тогда же для «нового» времени рождаются и индивидуальные трактовки смысла любви (во многом с опорой на авторитет античности и эпохи возрождения). Земная любовь (мужчины и женщины) может быть смыслом существования. Найти, пережить, ощутить этот пик эмоциональных, чувственных и рациональных наслаждений – так обретается право и возможность человека осознать, что его жизнь имеет (имела, будет иметь) смысл. Без Бога или наряду с Богом есть смысл в индивидуальной жизни и индивидуальной Любви не к Богу (не только и не столько к нему), но к женщине (мужчине). И кто не встретил такую любовь, тот прожил (проживает) свою жизнь напрасно. Смысл Любви естественно созвучен вышеприведенным постулатам относительно самой любви: жить ради любимого человека; направлять свои силы (нравственные, физические, эмоциональные) на взаимное развитие; воспитать в любви достойных детей (внуков, правнуков...). Позволю в качестве иллюстрации типичных идеальных представлений о Любви привести фрагмент из работы В. Франкла, в котором он представляет небольшую подборку оценок ряда исследователей: «Шелер определяет любовь как духовное движение к наивысшей ценности любимого человека, как духовный акт, в котором постигается эта высочайшая ценность (он называет ее «спасанием» человека). Шпрингер делает аналогичное замечание о том, что любовь «охватывает» потенциальные ценностные возможности в любимом человеке. Фон Хаттингберг выражает это по-иному: любовь видит человека таким, каким его «предполагал» при создании бог» [3, с. 259]. Наука, литература, поэзия, театр, а затем и кинематограф стали настойчиво культивировать такие идеалы смысложизненной реализации. По настоящему, неистово, но искренне, пусть и трагично, однако на пике всех переживаний – ради такой любви стоит жить и даже умереть. Постиндустриальное общество при всем его кажущемся прагматизме лишь расширяет пределы и силу влияния данного идеала (стремления) и, добавим от себя, смысла.

В результате «Любовь» из темы философско-религиозной, литературно-мистической и проблемы сугубо элитарной стала проблемой действительно социальной (страхи, переживания о ее – Любви – ненахождении, неполноценности, отсутствии, утраты и т. д.). Отсюда вопрос смысла любви и его реализации (не полной реализации, псевдореализации, абсолютной не реализации и т. д.). Отчетливо обозначилось и стало усиливаться противоречие между культивируемой потребностью найти и реализовать смысл любви и реальными социальными условиями, не позволяющими даже приблизиться к его полноценному воплощению. Оказалось, что пропустулировать, указать, даже заучить смысл любви возможно. А вот в практическом ключе имеют место сложности, порождающие значительные сомнения относительно его (смысла любви) осуществимости.

Даже известные приверженцы и популяризаторы осмысленной любви, не покидая почву реальности, констатировали, что сложившиеся социальные отношения не способствуют, а ограничивают и нередко полностью истребляют предпосылки обретения смысла в любви. В. Соловьев при всем его высоком, проникновенно-восторженном пафосе оценки возможности и

необходимости обретения смысла любви, тем не менее, вполне предметно замечал: «Как скоро жизненная сфера любовного соединения перенесена в материальную действительность, какова она есть, так сейчас же соответственным образом извращается и самый порядок соединения» [1, с. 47]. И далее еще беспощаднее: «истинному бытию, или всеединой идее, противопоставляется в нашем мире вещественное бытие – то самое, что подавляет своим бессмысленным упорством и нашу любовь и не дает осуществиться ее смыслу» [1, с. 51]. Это созвучно позиции Э. Фромма: «При существующей системе люди, способные любить, неизбежно будут исключением; в современном западном обществе любовь, безусловно, представляет собой маргинальный феномен» [2, с. 206]. Любопытно, и В. Соловьев, и Э. Фромм в своих поисках смысла любви приходят к одному и тому же выводу: настоящая любовь в реальных условиях – это по сути своей мужественный поступок, подвиг. «В нашей материальной среде нельзя сохранить истинную любовь, если не понять и не принять ее как нравственный подвиг» (В. Соловьев) [1, с. 48]; «Чтобы любить и быть любимым, требуется мужество, мужество признать некоторые ценности абсолютными и, сделав шаг, поставить на них все» (Э. Фромм) [2, с. 200]. Но на подвиг, как известно, способны немногие. Значит, и говорить о смысле любви можно в отношении единиц. Большинство людей с очевидностью не слишком готовы совершать героические действия во имя любви (друг друга, а, в конечном счете, во имя своего высокого нравственного и духовного «Я»).

Возникает известная парадоксальная ситуация. Мы говорим о маргинальности в отношении того, что «по идее» призвано выступать смысловым базисом в устремлениях «современного» человека.

Таким образом, проблема давно расположена не в плоскости какой-либо артикуляции и декларирования смыслов любви (высоких, содержательных), а преимущественно в плоскости общественных отношений. Почти неразрешимым, как уже отмечалось, оказывается противоречие (оставим маленькую толику надежды) между выпестованными максимумами смысла любви и социальной реальностью, где данные максимы выступают недостижимыми эталонами. Перечень основных претензий, предъявляемых зарождающемуся постиндустриальному обществу, в которых говорится о нивелировке возможностей для воплощения идеала здоровой осмысленной любви, можно назвать уже достаточно устоявшимся (традиционным):

- преобладание и даже наращивание конкурентности как принципа жизнедеятельности, что с неизбежностью переносится и на межличностный уровень взаимодействия любящих людей;

- сохранение и возрастание пространства товарно-денежных отношений, что опять-таки оказывает существенное влияние на прагматизацию любовной сферы;

- наличие (пусть и в модифицированном виде) разнообразных форм отчужденного труда. Неудовлетворенность в сфере профессиональной занятости (обратная сторона – отсутствие достойной работы) означает, как правило, неудовлетворенность жизнью вообще с отчетливым перенесением данной неудовлетворенности на отношения с близкими людьми.

Основанием для осмысленной и как некогда было принято говорить «действительной» любви выступает фабула бескорыстия. «Любовь всегда великодушна, – пишет А. Г. Маслоу. – Нет ничего более желанного для любящего человека, чем дарить радость и удовольствие любимому, ему нравится делать что-то для своего возлюбленного, ему приятно видеть его счастливым» [4, с. 263]. «Любящие люди получают особое наслаждение от возможности быть искренними, им доставляет особую радость делиться секретами друг с другом» [4, с. 263]. Можно также вспомнить знаменитое высказывание Антуана де Сент-Экзюпери: «Настоящая любовь, начинается там, где ничего не ждут взамен» [5]. Система же социальных связей и отношений преимущественно построена на корысти и прагматизме.

В схематичном и весьма условном виде несоответствие между идеальными принципами (основаниями) для реализации истинного смысла любви и доминантами реальных социальных отношений можно представить следующим образом (см. Табл. 1).

Таблица 1

Идеальные принципы (основания) для полноценной осмысленной Любви	Доминанты реальных социальных отношений
Бескорыстие (альтруизм)	Прагматизм (эгоизация)
Направленность на партнера	Преимущественная нацеленность на себя
Удержание высших переживаний	Превалирование утилитарных (низших) желаний
Взаимопонимание	Отсутствие особых навыков и побуждений к взаимопониманию
Взаимное совершенствование	Дефицит возможностей и потребностей к совершенствованию
Равенство (паритетность и договорной характер прав и обязанностей)	Авторитарность, подчинение, иерархичность
Солидарность, взаимопомощь	Конкуренция
Разнообразие («творчество души»)	Рутинизация («умерщвление души»)
Искренность, открытость	Неправдивость, вуалирование намерений и целей, закрытость
Сосредоточенность*	Рассредоточение*

* Различия между сосредоточенностью, как одним из главных условий в искусстве жить и любить, и разбросанностью, рассеянностью, характеризующими существование современного человека, великолепно представил Э. Фромм [2, с. 182].

В таких условиях в любви остается преимущественно своеобразный спасительно-реабилитационный смысл. То есть, когда о существенном взаиморазвитии говорить сложно, однако можно предпринимать попытки хотя бы «прятаться в любовь» (постоянно или периодически), как в некое ощущение временного (кратковременного) комфорта. Известное восприятие любви как «бухты отдыха» (а кому повезет и «комфорта»). Крепость – данной бухты, понятное дело, зачастую определяется силой жизненных «цунами». Тот же Э. Фромм метко характеризует это альянсом двоих «против мира». «Эта концепция любви и брака, – пишет исследователь, – делает главный упор на то, чтобы найти убежище от невыносимого чувства одиночества. В «любви» человек наконец-то находит приют и спасение от одиночества. Двое образуют альянс против мира, и этот-то эгоизм вдвоем ошибочно принимают за любовь и близость» [2, с. 160].

Однако, вряд ли оправданно все сложности с воплощением высших смыслов переадресовывать абстрактной социальности. Развитие постиндустриального общества в нынешнем историческом промежутке актуализирует возврат к проблеме собственно ответственности человека за весь прагматичный, корыстный и, говоря несколько эмоционально, уродливый социальный порядок. Ведь когда мы осуждаем общество за прагматизм, заикленность на конкурентности, статусности, иерархичности и прочее, тем самым оттеняем давний социально-философский вопрос о природе человека. Возможно, имеет место фатальность. И индивид в любых условиях будет тяготеть к эгоцентризму, завистливости, предательству, стяжательству, авторитарности, потребительству. А значит, – изначально лишен возможности искать и находить смысл любви. Поскольку, испытывая, с одной стороны, потребность любить, с другой стороны, – готов лишать себя данной потребности из-за иных более утилитарных (меркантильных) позывов, мотивов и целеполаганий.

Кроме того, необходимо, безусловно, учитывать и так называемую эротическую составляющую. Имеется ввиду, прежде всего сила полового влечения, которая в определенных условиях может выходить (и нередко выходит) из-под контроля и перенаправляется не на любимого человека. Освобождение сексуальности, как известно, не сняло, а в чем-то даже и обострило проблему нахождения смысла любви. Сексуальная удовлетворенность, прокладывающая путь к

интимному блаженству без подкрепления высшими чувствами, оказывается обманом, не раскрывает, а отдаляет полноценное восприятие смысла любви. Нельзя не согласиться с А. Камю, полагавшим, что: «Разнужданная чувственность приводит к убеждению, что мир бессмысленен. Целомудрие, напротив, возвращает миру смысл» [6, с. 96]. Однако, реальность такова, что сила полового влечения оказывается мощнее высоких рассуждений об осмысленном отношении к любви и миру.

Также нелепо отрицать рецидивы чувственно-эмоциональной сферы. Сложности здесь возникают даже у вполне здоровых и «устроенных» людей. Страсти, эмоции (зависть, злость и т. п.) можно выводить, и как производную из социальных условий, и как внутренние характеристики, свойственные людям, находящимся во вполне щадящих общественных отношениях. А ведь нередко именно данные страсти «убивают» любовь, лишают ее всякого смысла.

И вряд ли можно ожидать, что потребность в полноценной любви не будет в значительной мере ретироваться перед неумными сиюминутными «низшими» желаниями, как собственными, так и окружающих, готовых, например, отомстить тем, кто способен находить в любви высокий смысл. Возможно, что смысл любви как раз и заключается в периодическом напоминании человеку о его возможностях быть не только эгоистом (в негативной интерпретации данного термина), но и альтруистом. И здесь, безусловно, правы те, кто считает, что осмысленная любовь – это показатель наличия в человеке того, что хотелось бы выдавать за собственно человеческое (при всей наивности таких ожиданий).

Мой скепсис, впрочем, не разделяют специалисты, предполагающие, что именно ощущение утраты (необретения) смысла в любви может быть толчком к социальным преобразованиям. Известный социальный психолог Дж. Уэлвуд, специализирующийся на популярной сегодня теме личностного роста, резонно замечает: «Традиционный брак существовал во тьме, а в XX веке рост осознанности неожиданно высветил наши отношения. Теперь нам всем предстоит пройти ряд испытаний, прежде чем мы научимся любить друг друга осознанно при свете дня. Сегодня, если мы хотим сохранить живые, развивающиеся отношения, нам нужно найти новый смысл» [7]. Однако, так ли уж велик шанс найти «новый смысл». Для этого исследователь предлагает: «Во-первых, мы должны захотеть встречи со своим партнером на каком-то более глубоком уровне. Пара должна быть готова честно ответить себе: «Почему и для чего мы вместе?» Хотим ли мы только получать удовольствие или хотим расти? И если мы хотим расти, то готовы ли мы превратить наши отношения в алхимический сосуд, в котором все, что не осознано, плотно замуровано внутри нас, может проявиться и трансформироваться?» [7]. Данная цепочка вопросов может быть продолжена следующим образом: насколько массовыми могут быть положительные ответы? Насколько утопичны предложения «роста» для абсолютного большинства людей, проживающих в реальных социально-экономических условиях и ощущающих себя мучительно-комфортно в своих ставших вполне привычными комплексах и ограниченностях?

Выводы:

С момента отождествления любви с индивидуальным выбором мужчины и женщины (особенно женщины) без поправки на этнические, языковые, расовые, религиозные и социально-статусные ограничения возникает известное несоответствие между идеей свободы выбора любви и жестокой, прагматичной реальностью. Большинство доминирующих выкладок относительно «смысла любви», либо имеют своеобразный изысканно-литературный вид, либо приобретают научно-долженствовательный или религиозно-обязывающий характер (т. е. языком литературы, науки и религии задаются некие эталонные критерии, которым необходимо следовать или, как минимум, на них ориентироваться).

С одной стороны, через систему светских и религиозных просветительских и образовательных институтов сформировалось представление о смысле любви, как об осознанном и содержательном выборе двух людей на взаимное развитие, совершенствование, на рождение и воспитание таких же способных к любви и творческой самореализации детей. С другой стороны, в глобализирующемся обществе, лишенном многих реальных возможностей для свободного развития личности, выхолощенном эгоистично-прагматичными установками и ориентирами, нет значительных предпосылок и для смысла (осмысленной жизни), и для любви.

Таким образом, реализация смысла любви (взаимное, бескорыстное и проникновенное совершенствование двух любящих людей) в привязке к социальности (реальному, а не идеально представляемому социуму) выглядит более чем проблематично. Поскольку практически все пласты (за небольшим исключением) жизненного бытия человека переполнены условиями и условностями, уничтожающими всякие желания следовать каноническим принципам осмысленной любви.

Конкуренция вместо солидарности, прагматизм вместо альтруистичности, культ денег вместо культа нравственности, статусность вместо товарищества. С очевидностью все это повторяется и в отношениях, которые по сути своей должны считаться «Любовью».

В заключении, вновь приходится прибегать к использованию «принципа надежды» и заставлять себя включать элементы веры в мотивирование последующих поисков, апеллируя к «авторитетам». В данном случае процитируем А. Г. Маслоу: «Мы должны понять, что такое любовь, должны научиться воспитывать ее, творить и прогнозировать, – иначе мир будет захлестнут ненавистью и недоверием» [4, с. 261].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Соловьев В. Смысл любви / В. Соловьев / Сост. В. А. Роменец. – К.: Либідь. – АСКИ, 1991. – 64 с.
2. Фромм Э. Искусство любить / Э. Фромм; [пер. с англ.; под ред. Д. А. Леонтьева]. 2-е изд. – СПб.: Азбука, 202. – 224 с.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / В. Франкл; [пер. с англ. и нем. / общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева]. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
4. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу; [пер. с англ. А. М. Татлыбаевой]. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
5. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Э. Гидденс; [пер. с англ. В. Анурина]. – Издательский дом «Питер», 2004. – 124 с.
5. Сент-Экзюпери А. Цитадель [Электронный ресурс] / А. де Сент-Экзюпери. – Режим доступа: <http://www.vp777.ucoz.ru/publ/11-1-0-21/>
6. Камю А. Из записных книжек / А. Камю; [пер. с фр. О. Гринберг, В. Мильчина, Е. Гальцова]. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 253 с.
7. Уэлвуд Дж. Чтобы любить по-настоящему, нужно излечить свои «раны нелюбви» [Электронный ресурс] / Дж. Уэлвуд. – Режим доступа: http://www.psychologies.ru/couple/relationship/_article/dzhon-ujelvud/